

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №24 ГАЗЕТА

Елена Обоймина / «Там в многолюдном Париже...»

ОБОЙМИНА Елена Николаевна

Родилась во Владивостоке в семье потомственных моряков. После окончания филфака ДВГУ более десяти лет работала редактором Дальневосточного книжного издательства, была зав. отделом культуры газеты «Владивостокское время». Участница двух Всесоюзных совещаний молодых писателей, автор трех стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Смена», «Октябрь», «Дальний Восток», альманахах «Литературный Владивосток», «Истоки», «Поэзия», в сборниках «Бухта Лазурная» (изд-во «Современник», 1983), «Стихи этого года. Поэзия молодых 1987» (изд-во «Сов. писатель», 1988) и др. С начала 2000-х в центральных издательствах России вышло более двадцати книг Елены Обойминой в жанре биографической прозы, некоторые выдержали не одно издание.

Член Союза писателей России с 1992 г. Живет во Владивостоке.

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И «РОМАН-ГАЗЕТА»*

* См. стр. 78–79.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2020 №24 /1869/ Основана в 1927 г.

Елена Обоймина

«Там в многолюдном Париже...»

Спит спокойно и сладко чужая страна.
Море ровно шумит. Наступает весна
В этом мире, в котором мы мучимся...

Георгий Иванов

1

Им всем, вдалеке от родимой земли,
скучать по березкам и кленам...
Серебряный век — колокольчик вдали,
хрустальным наполненный звоном.

Чужая страна их взяла на постой —
навечно, как вышло по сути...
Серебряный век — неуютный покой
в каком-то далеком приюте.

Им выпало русское слово беречь,
его сохранить на чужбине.
Серебряный век — соловьиная речь
и чье-то забытое имя...

И словно в России, в Париже листва
холодную землю покрыла.
На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа —
могилы, могилы, могилы...

2

Плачут души заблудшие,
суета и вокзал...
«Уезжают не худшие», —
кто-то тихо сказал.

Словно ветром гонимые
до скончания лет..
«Ах, куда ж вы, родимые?» —
кто-то крикнул вослед.

Им скитаться, как водится,
до последней черты...
Помолись, Богородица,
за отчаянных Ты!

Отпусти им, Пречистая,
их былые грехи,
да за помыслы чистые
и такие ж стихи.

За правдивые повести —
свет далекой свечи! —
от измученной совести
наконец излечи.

За судьбину-уродину
и трагичность пути,
за мытарства без Родины
русских сердцем прости...

Елена Обоймина

«ЗВЕЗДА ЛЮБВИ МОЕЙ...»

Иван Бунин и Вера Муромцева-Булнина

Однажды Верочка Муромцева забежала к своей подруге, жене молодого литератора Бориса Зайцева, послушать «настоящего поэта». Шел ноябрь 1906 года. Двадцатипятилетняя курсистка, племянница председателя Первой Государственной думы С. А. Муромцева, встретила здесь любовь всей своей жизни — Ивана Бунина.

«С едва пробивающимися усиками <...> тонкое лицо с красивым овалом, большие, немного грустные глаза под прямыми бровями, — опишет она его впоследствии. — Волосы густые, расчесаны на пробор».

Внешнюю привлекательность И. А. Бунина отмечали многие. Даже почему-то не любивший его В. В. Вересаев однажды заметил:

«Худошавый, стройный блондин, с бородкой клинышком, с изящными манерами, губы брюзгливые и надменные, геморроидальный цвет лица, глаза небольшие. Но однажды мне пришлось видеть: вдруг глаза эти загорелись чудесным синим светом, как будто шедшим изнутри глаз, и сам он стал невыразимо красив».

Вера Муромцева воспитывалась в прекрасной старомосковской семье и была широко образована: знала французский, английский, итальянский языки, переводила Мопассана, Флобера... Современники отмечали ее несколько холодноватую красоту и схожесть с обликом мадонны.

— Как вы сюда попали? — бесцеремонно спросил Бунин в тот ноябрьский день.

Вера, скрыв раздражение, спокойно ответила:

— Так же, как и вы.

— Но кто вы?

— Человек.

— Чем вы занимаетесь?

— Химией. Учусь на естественном факультете Высших женских курсов.

— Как ваша фамилия?

— Муромцева.

— Вы не родственница генералу Муромцеву, помещику в Предтечеве?

— Да, это мой двоюродный дядя...

— Но где же я могу вас увидеть еще?

— Только у нас дома. Мы принимаем по субботам. В остальные дни я очень занята...

По более позднему признанию Веры Николаевны, она «никогда не хотела связывать своей жизни с писателем. В то время почти о всех писателях рассказывали, что у них вечные романы и у некоторых по несколько жен».

Как оказалось, говорили правду...

«Я уже многое знала из его жизни, — вспоминала Вера Николаевна. — Вообще в наших беседах он

больше рассказывал. Моя жизнь рядом с его казалась мне очень бедной. К тому же он никогда о моем прошлом не расспрашивал, может, от присущей его натуре ревности, а может быть, ему казалось, что моя жизнь была обычная жизнь молодой девушки».

В счастливый для обоих 1906 год, в самом начале ее отношений с писателем, Вера Муромцева мучительно размышляла о подлинности бунинского чувства. Больше всего боясь потерять только что обретенного любимого человека, она, тем не менее, предоставляла ему полную свободу выбора:

«Дорогой мой, как можешь ты сомневаться в моей любви. Только тебя одного люблю я, только тобой живу в настоящее время. Я правда очень похудела за это время, немного изнервничалась, но я бодр, смела и ничто меня не страшит.

Одно мучает меня по временам, — начинает казаться, что ты меня больше не любишь, что ты в деревне почувствовал, что я для тебя такая же маленькая незначительная встреча, каких в твоей жизни было немало. Если есть хоть какое-нибудь основание для подобных подозрений, напиши мне просто, чистосердечно... Как бы тяжело ни было мне, мне легче, если ты скажешь обо всем сам, чем если мы разоидемся после многих ссор и неприятностей... Верь только одному, что я никогда не сделаю тебе ни одного упрека, если ты сразу скажешь мне какую угодно истину».

1

В начале апреля 1907 года Бунин и Вера отправились в первое дальнее путешествие — в Египет, Сирию, Палестину, Грецию, Турцию.

Песок остыл. Холодный, безответный,

Скользит в руке, как змей.

Горит, играет перстень многоцветный —

Звезда любви моей, —

писал Бунин в одном из стихотворений той поры.

Правда, обвенчаться они смогут лишь в 1922 году в Париже: брак писателя с гречанкой Анной Цакни еще не был до этого времени расторгнут.

С первой женой, которая не ценила и не понимала его, Бунин расстался после двух лет совместной жизни. Уже через год после женитьбы на ней писатель делился со старшим братом: «...я многое гублю и убиваю в себе. И до такой степени не понимать этого, то есть моего состояния, и не относиться ко мне мягче, до такой степени внутренне не уважать моей природы, не ставить меня ни в грош, как это делает Анна Николаевна — это одно непоправимо, а ведь мне жить с ней век. Сказать, что она круглая дура —

нельзя, но ее натура детски тупа и самоуверенна — это плод моих долгих и самых бесстрастных наблюдений. Сказать, что она стерва — тоже нельзя, но она опять-таки детски эгоистична и ни х... не чувствует чужого сердца — это тоже факт. ...ведь беда в том, что она меня ни в грош не ценит. Мне самому трогательно вспоминать, сколько раз и как чертовски хорошо я раскрывал ей душу, полную самой хорошей нежности — ничего не чувствует — это осиновый кол какой-то... Она глуповата и не развита, как щенок, повторяю тебе. И нет поэтому никаких надежд, что я могу развить ее бедную голову хоть сколько-нибудь, никаких надежд на другие интересы».

Сын Бунина Коленка родился уже после разрыва родителей. Мальчик прожил пять лет. Больше детей, как известно, у писателя не было.

Через много лет, уже в 1959 году, Вера Николаевна писала литературоведу А. К. Бабореко об этой драме, пережитой Буниным: «Прочла все письма периода Цакни сразу. Расстроилась: представляла иначе — считала более виноватым Ивана Алексеевича. А судя по письмам, не только жизнь не была для творческой работы, а у самой Анны Николаевны не было настоящего чувства, и ей хотелось разрыва... Это понятно, конечно, они были и по натуре, и по среде, и по душе очень разные люди. И как с годами Иван Алексеевич, я не скажу, простил, а просто забыл все, что она причинила ему».

Анна Николаевна, первая жена писателя, замуж больше не выходила. По какой-то причине она не хотела давать ему развода вплоть до его отъезда в Париж. Она прожила в Одессе до самой своей смерти в декабре 1963 года. На все расспросы о Бунине литературоведов упорно отвечала: «Ничего не помню...»

2

Февральскую революцию писатель воспринял с болью, предчувствуя предстоящие испытания. Октябрьский переворот только укрепил его уверенность в приближающейся катастрофе.

«Последний раз я был в Петербурге в начале апреля 17 года, — писал И. А. Бунин. — В мире тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна... Но не менее страшно было и на всем прочем пространстве России, где вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество».

В мае 1918 года Бунин с Верой Муромцевой с трудом выбрались из голодной Москвы. Их путь в Одессу лежал через Оршу — в ту пору уже немецкую тер-

риторию, Минск, Гомель и Киев. Вот запись из дневника Веры Николаевны: «26 мая 1918. Двинулись в 11 ч. 20 м. утра. В 12 ч. без 10 м. мы на «немецкой» Орше — за границей. Ян со слезами сказал: «Никогда не переезжал с таким чувством границы! Весь дрожу! Неужели наконец я избавился от власти этого скотского народа!»

В Одессе им пришлось пережить смену множества властей. Положение их, как и большинства интеллигенции в южном городе, ухудшалось день ото дня: есть было нечего, покупать — не на что. То и дело унижительные обыски с подсчетом фунтов муки на человека, нижних рубашек и простыней. Обнаруженные «излишки» тут же изымались. В красной Одессе писателя все раздражало. В 1919 году здесь появилась Добровольческая армия, на смену красному террору пришел террор белый, не менее жестокий. Но порядок в Одессе был восстановлен.

Бунин участвовал во всех официальных торжествах по случаю взятия белыми Одессы. С ним считали за честь познакомиться глава правомонархической партии Союз русского народа В. М. Пуришкевич и главнокомандующий Добровольческой армией А. И. Деникин. Осенью 1919 года при большом стечении интеллигенции писатель дважды читал антиреволюционную лекцию «Великий дурман»:

«Мы не с октября, а с самого марта семнадцатого года пребываем в этом мраке, этом дурмане, дурмане диком, злом и, как всякий дурман, прежде всего переполненном нелепостями, на сей раз нелепостями чудовищными. И дурман этот длится, и человек, более или менее не поддавшийся ему, поминутно с ужасом и с изумлением протирает глаза».

Ему аплодировали стоя... Можно сказать, что в определенной степени Бунин явился неким ориентиром белого движения. Добровольческая армия основала в Одессе газету, и писатель стал ее соредактором. «То бездействие, в котором он пребывал летом при большевиках, было, несомненно, очень вредно и для его нерв^{ов} и для его души, — писала в дневнике Вера Николаевна. — Ведь минутами я боялась за его психическое состояние. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы нас не освободили добровольцы. Редко кто страдал, как он».

Но после непродолжительного успеха вооруженные силы белых начали терпеть одно поражение за другим. В октябре — декабре 1919-го главные силы Добровольческой армии, наступавшей на Москву, были разбиты. С этого времени белое движение стремительно пошло на спад. В январе 1920-го армия красных под командованием И. П. Уборевича начала наступление в направлении Кривого Рога и Одессы.

Бунин с Верой Николаевной гадали, куда теперь ехать. В начале декабря 1919-го они получили визы в

Варну и в Константинополь, в конце декабря — во Францию. Их друзья уезжали за границу один за другим. «Я снова твердо держусь за парижскую ориентацию, — писала в дневнике Вера Николаевна. — Может быть, это легкомысленно, но внутренний голос мне говорит, что нужно ехать именно туда». Писатель, окончательно решившийся на разрыв с Россией, не спал ночами.

«Он был легок на подъем и любил скитаться по разным городам и странам, — рассказывал о Бунине Валентин Катаев. — Однако в Одессе он застрял: не хотел сделаться эмигрантом, отрезанным ломтем; упрямо надеялся на чудо — на конец большевиков... и на возвращение в Москву под звон кремлевских колоколов... Вероятно, поэтому он остался в Одессе, когда в девятнадцатом году, весной, она была занята частями Красной Армии и на несколько месяцев установилась Советская власть».

По мнению В. Катаева, к этому времени Бунин настолько скомпрометировал себя контрреволюционными взглядами, которых и не скрывал, что его могли расстрелять, и наверняка и расстреляли бы, если бы не помощь его друга, одесского художника Нилуса. Используя свои связи в верхах, Нилус получил специальную «охранную грамоту» на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика Бунина. Когда однажды к дому подошел отряд вооруженных матросов и солдат особого отдела, увидевшая их в окно Вера Николаевна лишилась чувств, но писатель не растерялся. Он выбежал к непрошеным гостям со сжатыми кулаками и побелевшим лицом:

— Если хоть кто-нибудь осмелится перешагнуть порог моего дома, то первому человеку я собственными зубами перегрызу горло, и пусть меня потом убивают! Я не хочу больше жить!..

К счастью, все обошлось: особысты прочитали охранную грамоту с советской печатью и подписью, весьма удивились, но вынуждены были удалиться.

В январе 1920-го Бунин с Верой Николаевной отправились в Константинополь, покинув родину на переполненном беженцами пароходе «Патрас». Их ожидала жизнь на чужбине...

3

После Константинополя последовали Болгария и Сербия. И наконец Париж, куда Бунин с женой приехали 28 марта 1920 года. После пережитых лишений парижская жизнь казалась вполне сносной. Они оказались среди русской интеллигенции, общаясь поначалу с политическими деятелями и литераторами эсеровского левого толка и, между прочим, прекрасно осознавая оторванность своих друзей от реальности. Например, Вера Николаевна не без юмора

писала в дневнике в апреле 1920 года: «Фондаминский, Марья Самойловна и многие другие родились и учились в Москве... потом уехали в университет в Германию. Вернулись к 1905 г. уже социал-демократами, потом тюрьма, ссылка, эмиграция. Всё видели, кроме слона, т.е. народа».

Очень угнетала материальная зависимость от семьи Цетлиных, которые покровительствовали Бунину, приютив писателя с женой в своей богатой квартире. Веру Николаевну поразило даже то, что здесь было три ванных комнаты! «Я с наслаждением переселилась бы в крохотную квартирку, сама бы готовила и никого бы не видела, — признавалась она. — Я чувствую, что устала от людей, от вечного безденежья, от невозможности жить, как хочется».

В июне 1920-го эмигрантский фонд выделил Бунину три тысячи рублей. Иван Алексеевич принял их неохотно, считая подачкой, но деваться было некуда. Утешало то, что тысячу отдали Цетлиным, и зависимость от них стала не такой крепкой. Начались поиски «своего» жилья, которые привели к выбору меблированных комнат на улице Жака Оффенбаха. С 1923 года каждой весной Бунины ездили на юг Франции, в маленький прованский городок Грасс.

Литературный критик и мемуарист А. В. Бахрах писал о Бунине: «Не было у него <...> того, что неуклюже именуется «локаль-патриотизмом». Он любил Москву, но не менее уютно чувствовал себя в Одессе или в отцовском полуразоренном имении. Любил дальние странствия, Восток, Стамбул, который не переставал называть по инерции Константинополем, но затем полюбил скалистый средиземноморский островок с его почти бутафорской красотой, и, кажется, нигде он так усердно и усидчиво не работал, как именно на Капри. А затем он полюбил Париж, полюбил вполне искренне, но еще больше — тихий Грасс, окружавшие городок жасминные и розовые поля, малопривлекательные для глаза, вид на Эстерель, в ясные дни — вид на бесшумное море. В Грассе он чувствовал себя совсем «дома». <...> Бунину было хорошо там, где он мог спокойно работать, совершать прогулки, иногда встречать людей, ему симпатичных. А что было на заднем плане — в сущности, было для него второстепенным».

«Во многих смыслах, — записал Бунин однажды в дневнике, — я все-таки могу сказать, как Фауст о себе: «И псу не жить, как я живу».

Обращаясь к норвежскому профессору-слависту Брону с просьбой порекомендовать какому-нибудь норвежскому издателю его книги для перевода, Бунин ссылался на «тяжелое положение эмигранта, все потерявшего в России и лишённого на чужбине почти всех средств к существованию... Живешь в нужде,

в постоянной мучительной неуверенности насчет завтрашнего дня».

Конечно, Бунины жили без расточительной роскоши, но уж ни в коем случае и не нищенствовали. На первых порах получали помощь от различных общественных фондов, от многочисленных друзей-эмигрантов. Вместе с Алексеем Толстым Бунин довольно успешно тряс местных богачей, выбивая из них средства на книгоиздательские дела. Издательств в Париже было не столь много, к тому же издаваться приходилось, как правило, за свой счет, что оказывалось слишком дорого для русских эмигрантов. Поэтому волей-неволей приходилось искать меценатов. Эта ситуация даже нашла отражение в шуточной эпиграмме Ивана Алексеевича:

Автор к автору летит,
Автор автору кричит:
Как бы нам с тобой дознаться,
Где бы нам с тобой издаться?
Отвечает им Зелюк:
Всем, писаки, вам каюк!
Отвечает им Гукасов:
Не терплю вас, лоботрясов!
Отвечает ИМКА: мы
Издаем одни псалмы!

У Буниных с первых лет эмиграции сложились достаточно тесные и, в общем, неплохие отношения с Мережковским и Гиппиус. Как писала Зинаида Гиппиус, в дореволюционные годы пути их не пересекались и первое личное знакомство состоялось лишь осенью 1920 года в Париже. Знакомство было успешным настолько, что в 1921 году Мережковские пригласили Ивана Алексеевича с Верой Николаевной погостить к себе на дачу в Висбаден, а на следующее лето обе семьи снимали дачный коттедж в Амбуазе. В качестве близких знакомых Мережковские присутствовали на венчании Бунина и Веры Николаевны 24 ноября 1922 года. До соперничества писателей, претендующих на Нобелевскую премию, было еще далеко...

В Грассе, на вилле «Бельведер», Иван Алексеевич работал над своим романом «Жизнь Арсеньева». Тем самым, о котором в 1936 году так жестоко выскажется в «Литературной газете» его бывший приятель по эмиграции А. Н. Толстой:

«Я прочел три последних книги Бунина — два сборника мелких рассказов и роман «Жизнь Арсеньева». Я был удручен глубоким и безнадежным падением этого мастера. От Бунина осталась только оболочка прежнего мастерства. Судьба Бунина — наглядный и страшный пример того, как писатель-эмигрант, оторванный от своей родины, от политической и социальной жизни своей страны, опустошается настолько, что его творчество становится пу-

стой оболочкой, где ничего нет, кроме сожалений о прошлом и мизантропии».

Эта несправедливая и явно политизированная оценка глубоко ранила Ивана Алексеевича, когда он узнал о ней.

4

Вера Николаевна, похоже, всю жизнь ревновала Бунина к его прошлому, к двум «главным» его женщинам и своим предшественницам — Варваре Пашенко и Анне Цакни. Даже имя мужу придумала другое — Ян, «...потому что ни одна женщина его так не называла...».

Ивану Алексеевичу было уже шестьдесят, когда вышел в свет его роман «Жизнь Арсеньева», названный писателем «вымышленной автобиографией». Здесь, как признавался сам автор, он воскресил самое сильное в своей жизни чувство. Одни и те же давние переживания, связанные с юношеской любовью, лежат в основе рассказов «В ночном море», «Поздний час», «Митина любовь» и последней, пятой книги «Жизни Арсеньева» — «Лица».

Началась эта история в редакции орловской газеты, где непродолжительное время работал Бунин, а Варя Пашенко служила корректором. «Вышла к чаю утром девица высокая, с очень красивыми чертами лица, в пенсне, — писал он своему брату Юлию. — Я даже сначала покосился на нее: от пенсне она мне показалась как будто гордою и фатоватою. Начал даже «придираться». Она кое-что мне «отпела» довольно здорово... Она мне показалась довольно умною и развитою...»

Переломным в отношениях молодых людей стал вечер, когда Бунин увидел Варю Пашенко на любительской сцене. «Сильное впечатление (в смысле красоты и т. п.) произвела она на меня... играла вполне недурно, главное, — очень естественно... Уехал я опять с грустно-поэтичным чувством... Я еще никогда так разумно и благородно не любил. Все мое чувство состоит из поэзии...»

Казалось, все вокруг было пронизано поэзией: и полночные разговоры на балконе, и прогулки по темным акациевым аллеям, и первые робкие поцелуи, — и... «Между прочим, держа ее под руку, я тихонько поцеловал ее руку... У меня сердце замерло. А она вдруг порывисто обняла меня и... уж обычное... я даже не сразу опомнился! Господи! что это за ночь была!».

И через сорок лет Бунин будет помнить эту волшебную ночь, навсегда запечатленную им на страницах итогового произведения.

На другой день Варя просила Бунина «забыть эту ночь». Призналась, что еще не совсем уверена в своих чувствах, напомнила его же собственные слова —

на то, что говоришь вечером, как-то иначе смотришь утром.

Отец Вари Пашенко слыл человеком властным. Некогда довольно богатый, он прожился и решил заняться врачеванием (в «Жизни Арсеньева» он фигурирует именно как доктор). К возможному замужеству дочери относился резко отрицательно, считая, что Бунин, человек без средств, без образования, не в состоянии создать достойные условия для семейной жизни.

Сначала Варя ни о чем не говорила родителям. Но тайное все равно становится явным! Как-то в поезде, по дороге в Елец, куда она ехала с матерью и возлюбленным, у того разболелись зубы. «Я лег, — писал Бунин брату, — и Варя стала укрывать меня пледом и целовать меня, ласкать. В это время подошла ее мать! Мы, разумеется, не стали отрицать. Разумеется, на другой день вышел скандал...»

Если верить некоторым биографам, скандал этот не помешал молодым жить вместе, правда, без венчания и родительского благословения. Так сказать, гражданским браком... Всё так, только вот вместе они не жили. Об этом Иван Алексеевич неоднократно упоминал в письмах к брату. При очередной смене места службы сообщал ему в мае 1892 года: «...будем жить так, как до сих пор жили — то есть она будет ходить ко мне. Но она и на это не согласна!.. Этакое хождение друг к другу в гости нам уже давало себя знать — это, действительно, тяжело, не удовлетворяет... Чего она боится? Что изменится, если мы поселимся под одной крышей? Ведь детей у нас не будет!»

А что же Варенька?

Летом 1892 года она писала Юлию Алексеевичу Бунину, незадолго перед этим побывавшему у младшего брата в Орле:

«Поверьте мне, что я его очень люблю и ценю, как умного и хорошего человека, но жизни семейной, мирной у нас не будет никогда. Лучше, как мне ни тяжело, теперь нам разойтись, чем через год или полгода. Это, согласитесь, будет и труднее и тяжелее. Сама я не могу этого ему сказать, потому что достаточно мне принять серьезный тон, чтобы у него явилось озлобление, он начинает кричать на меня, и дело кончается истерикой, как, например, вчера, когда он бросился на пол в каменных сених и плакал, как в номерах «Тула», где он в порыве раздражения хотел броситься из окна. Все это невыразимо угнетает меня, у меня пропадает и энергия, и силы...»

Неоднократно, по ее горячей просьбе, старший Бунин вырывался из своей Полтавы, подчас на два-три дня, чтобы в очередной раз выступить на «семейном» совете в роли третейского судьи. Но уже на следующий день после его отъезда все возвращалось на круги своя: изматывающие саркастические сентенции о Вариной серости и необразованности, истери-

ки по поводу и без, угрозы повеситься и т. д. А с другой стороны — Варины обиды, ее бесплодные стремления «привести в норму ненормальные отношения», сбегания время от времени в Елец в родительский дом, чтобы «вдали взглянуть на все наиболее объективно» и окончательно не сойти с ума.

Одному Богу ведомо, кто больше был виновен в несложившейся жизни двух молодых людей. Отношения героев в первых главах романа «Жизнь Арсеньева» — пылкое, горячее чувство Арсеньева и неустойчивое, переменчивое отношение Лики, которая плохо понимала его и переходила от равнодушия к внезапным проявлениям нежности, — во многом автобиографичны. Варя Пашенко никогда не была уверена в своем чувстве к Бунину и со своей стороны упрекала его в том, что он недостаточно ее любит. Наконец, бессильная разобраться в путанице чувств, оставила его и — ушла.

В 1894 году Пашенко и Бунин гостили у его брата в Полтаве. Воспользовавшись тем, что дома никого не было, Варвара Владимировна в начале ноября уехала, оставив короткую записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом».

Двадцатичетырехлетний Бунин был в отчаянии. Вскоре молодой писатель узнал, что Варя ушла к другому — сыну елецкого помещика, будущему актеру Арсению Бибикову.

Бунин хорошо знал Арсения Бибикова, даже слегка ревновал к нему Варю, но, как признавался сорок лет спустя в прощальном своем романе, «ему не приходило в голову, что у нее могли быть (и есть) тайные... чувства и мысли».

Жизнь брала свое... Через четыре года Бунин женился на девятнадцатилетней гречанке (еврейке по матери) Анне Цакни и поселился рядом с ней и ее родными в Одессе. Однако и этот союз вскоре потерпел крушение — слишком разными людьми были супруги.

«...В вешах зарубежного периода, особенно в романе «Жизнь Арсеньева», который Бунин, между прочим, отказывался считать автобиографическим, или в прелестной повести о Лике появилось что-то новое, какое-то сияние, то сладкое и горестное в описаниях молодой любви, на что писатель способен только в полном расцвете своего таланта и на склоне жизненного пути», — подчеркивал литератор А. П. Ладинский.

Роман «Жизнь Арсеньева» заканчивается смертью героини. На кончину самой Варвары Владимировны 1 мая 1918 года в Москве, где тогда жили Бунин с Муромцевой, писатель отреагировал с удивительным спокойствием. Вера Николаевна ездила проститься с покойной — Иван Алексеевич сделать это отказался. Он совершенно не выносил «таких событий» (из-за этого он, единственный из родствен-

ников, несколькими годами ранее даже отсутствовал на похоронах матери).

«Вечером я поехала одна на квартиру Бибиковых, — они жили далеко, где-то у Красных Ворот. Панихиды не было. Покойница лежала исхудавшая, маленькая, помолодевшая, — я сразу же представила ее в пору их романа».

Много позже Бунин признавался: «Вот думают, что история Арсеньева — это моя собственная жизнь. А ведь это не так. Не могу я правды писать. Выдумал я и мою героиню... начал видеть ее во сне. Она являлась ко мне такая же, какой я ее выдумал... Проснулся однажды и думаю: Господи, да ведь это, быть может, главная моя любовь за всю жизнь. А, оказывается, ее не было».

Но ведь письма юного Бунина к Варе Пашенко сохранили и другие признания...

«Так нежно и хорошо я любил тебя, что лучшие минуты этого чувства останутся для меня самыми благородными и чистыми ощущениями во всей жизни...»

Или их тоже не было?..

5

Встречу с Буниными в Париже на одном из праздничных эмигрантских вечеров ярко живописал литератор Николай Рошин. Шел 1924 год.

«Точно в назначенное время, пропуская вперед сероглазую статную свою жену В. Н. Муромцеву, считавшуюся когда-то «первой московской красавицей», вошел самый знатный из гостей. Вошел — и сразу же просто, естественно и полно завладел вниманием всех. <...> Куда делись дряблые, обвисшие щеки, равнодушно-усталый взгляд, глухой голос! Я наслаждался всем видом этого моложавого, лишь слегка седеющего человека, его стройной, спортивно-подтянутой фигурой, необыкновенно выразительным тонким лицом — «лицом римского патриция», как принято было говорить о нем, — освещенным блеском умных живых глаз и улыбкой, то юношески-насмешливой, то ласковой и доброй, его сильным и теплым, «играющим» голосом и совершенно лишенной интеллигентской вычурности, меткой, хваткой, яркой, остроумной речью, от которой, как говорил Л. Андреев, «ломит щеки».

«С возрастом он стал красивее и как бы породистее, — отмечал Георгий Адамович. — Седина шла ему, шло и то, что он сбрил бороду и усы. Появилось в его облике что-то величавое, римско-сенаторское, усиливавшееся с течением дальнейших лет».

Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак), литературный секретарь Бунина, оставил следующие воспоминания:

«Много раз слышал я такой отзыв:

— Какой холодный, ледяной писатель!

Так говорили те, кто совершенно не чувствовали Бунина и не понимали его произведений, в которых есть всегда глубокая, волнующая страстность. <...> Таков был Бунин в жизни — вечно мятущийся, беспоконный. Он мог усилием воли внезапно совладать с собой, побороть душевную тревогу и казаться холодным, далеким, учтиво безразличным. И только немногие знали, какой это давалось ему ценой и что именно происходило в душе писателя в минуты этого деланного, внешнего спокойствия».

«Бунин мог быть иногда очень неприятен, даже не замечая этого, — подчеркивала писательница Ирина Одоевцева. — Он действительно как будто не давал себе труда считаться с окружающими. Все зависело от его настроения, но настроения он менял с поразительной быстротой».

Она же оставила и следующее свидетельство, многое объясняющее:

«Все его дурные черты как бы скользили по поверхности. Они оставались внешними и случайными, вызванными трудными условиями его жизни или нездоровьем. К тому же его нервная система была совершенно расшатана.

Нельзя забывать, что нервность он получил в «проклятое» наследство не только от отца-алкоголика, но и от мученицы матери, слишком много видевшей горя с самого начала своего замужества. Да, он был очень нервен. Но кто из русских больших писателей не был нервным? Все они были людьми с ободранной кожей, с обнаженными нервами и вибрирующей совестью».

Терпеливая и все понимающая Вера Николаевна поясняла одной из знакомых:

«Женой писателя быть не легко, а очень, очень трудно. Надо уметь понять, принять и простить все увлечения, не только те, что были, а заранее и все те, что смогут быть. Надо понять жажду новых впечатлений, новых ощущений, свойственную артистам, подчас им необходимую, как опьянение, без которого они не могут творить, — это не их цель, это их средство. А цель творящего человека — его творчество».

Писатель, по многим свидетельствам, очень ценил поддержку своей спутницы.

«...Иван Алексеевич в быту не был человеком легким и сам это, конечно, сознавал, — писал Георгий Адамович. — Но тем глубже он чувствовал все, чем жене своей обязан. <...> Если бы в его присутствии кто-нибудь Веру Николаевну задел или обидел, он, при великой своей страстности, этого человека убил бы — не только как своего врага, но и как клеветника, как нравственного уродя, неспособного отличить добра от зла, света от тьмы...»

Импульсивный «Ян» постоянно жил в ожидании новой встречи, новой любви. Андрей Седых писал:

«У него были романы, хотя свою жену Веру Николаевну он любил настоящей, даже какой-то суеверной любовью... ни на кого Веру Николаевну он не променял бы. И при всем этом он любил видеть около себя молодых, талантливых женщин, ухаживал за ними, флиртовал, и эта потребность с годами только усиливалась. Автор «Темных аллей» хотел доказать самому себе, что он еще может нравиться и завоевывать женские сердца. По-настоящему был у Ивана Алексеевича на склоне лет только один серьезный и мучительный роман с ныне покойной талантливой писательницей Галиной Николаевной Кузнецовой...»

Их знакомство состоялось летом 1926 года. Бунину исполнилось пятьдесят пять, Кузнецовой — двадцать шесть... Вскоре Галина оставила своего мужа — юриста по образованию и парижского таксиста.

Ирина Одоевцева упоминала в своей переписке подробности разрыва Кузнецовой со спутником жизни: «Петров очень любил Галину и был примерным мужем, всячески стараясь ей угодить и доставить удовольствие. Но она совершенно перестала считаться с ним, каждый вечер исчезала из дома и возвращалась все позже и позже.

Однажды она вернулась в три часа ночи, и тут между ними произошло решительное объяснение. Петров потребовал, чтобы Галина выбрала его или Бунина. Галина, не задумываясь, крикнула:

— Конечно, Иван Алексеевич!

На следующее утро Петров, пока Галина еще спала, сложил свои чемоданы и уехал из отеля, не оставив адреса...

Петров носился с мыслью об убийстве Бунина, но пришел в себя и на время покинул Париж.

«Нет, ни на Беатриче, ни на Лауру она совсем не похожа, — описывала Кузнецову Ирина Одоевцева. — Она была очень русской, с несколько тяжело-весной славянской прелестью. Главным ее очарованием была медлительная женственность и кажущаяся покорность, что, впрочем, многим не нравилось».

Роман получил широкую огласку и стал предметом пересудов в русской колонии Парижа. Вера Николаевна была в отчаянии: «Ян сошел с ума на старости лет. Я не знаю, что делать...»

Но тем не менее Бунину удалось убедить жену в том, что между ним и Галиной ничего нет, кроме отношений учителя и ученицы, что их связывают только литературные интересы. Вера Николаевна поверила или заставила себя в это поверить. В результате Галина Кузнецова поселилась у Буниных и стала «членом их семьи». Началась жизнь втроем — наверняка оскорбительная для Веры Николаевны, но она решила сохранить семью хотя бы таким путем... И сохраняла... без малого пятнадцать лет!

Литератор А. Бахрах в своей книге «Бунин в халате» размышлял: «Удочерение»... сравнительно молодой женщины, скажем, далеко не подростка и ее внедрение в бунинскую квартирку было, конечно, тяжелым ударом по самолюбию Веры Николаевны, по ее психике. Ей надо было со всем порвать или принять — другого выхода не было».

Приживалов в этой семье всегда хватало. Нервозность в домашнюю атмосферу Буниных вносили и проживавшие вместе с ними молодые дарования. Не имея собственных детей, Вера Николаевна относилась к ним как к родным.

«Ни мстительности, ни зависти, ни мелочности мне никогда не приходилось видеть в Бунине, — подчеркивала Ирина Одоевцева. — Напротив — он был добр и великодушен. Даже очень добр и великодушен. И по-настоящему щедр. Так, он в 1930 году, прочитав талантливую первую книгу «Кадеты» Леонида Зурова, жившего в Эстонии, выписал его к себе, и с той поры и до самой своей смерти содержал его и заботился о его литературной карьере, хотя пребывание Зурова в его семье принесло Бунину много огорчений и неприятностей.

Но, кроме Леонида Зурова, у Буниных в Грассе часто гостил и Николай Рошин, по прозвищу «Капитан». От него, как и от Зурова, Бунин видел мало радости — и полное отсутствие благодарности.

Гостили в Грассе и другие, несмотря на то, что, по определению самого Ивана Алексеевича, в те времена — до получения Нобелевской премии — в доме Бунина «жили впроголодь и часто обедали через день». Бунин любил окружать себя теми, кого считал своими учениками и последователями, и часто появлялся в Париже в сопровождении своей свиты. Злые языки прозвали ее «бунинским крепостным балетом».

«...Зуров сидит на моей шее 15 лет, — жаловался Бунин в феврале 1945-го в письме литератору Я. Б. Полонскому, — не слезая с меня, шантажируя моей великой жалостью к Вере Николаевне, из-за которой я не могу выгнать его, несмотря на то, что Зуров обращается со мной сказочно грубо... однажды орал и на нее: «Свинья, свинья, старая дура...» ...я не могу теперь содержать Зурова, я сам нищ, болен, слаб так, что задыхаюсь, взойдя в дом на лестницу, а Зуров может 15 километров пройти без усталости, жрет за пятерых...».

Молодой прозаик Леонид Зуров, к которому Вера Николаевна, никогда не имевшая детей, питала материнские чувства, приехал в Париж из Прибалтики. Оттуда начинающий писатель отправлял Бунину жалостливые письма, в черных красках живописуя свое существование. Он рад бы уехать куда угодно, лишь бы покинуть свое «захолустье». Иван Алексеевич решил помочь талантливому литератору и сделал шаг, о котором будет в дальнейшем горько сожалеть: по-